

DOI 10.19181/nko.2022.28.1.6
УДК 316.621

А. В. Симоянов¹

¹ Московская городская Дума.
Москва. Россия.

СОЦИАЛЬНЫЕ ИЖДИВЕНЦЫ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ МИФ И НАУЧНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Аннотация. Наличие в российском обществе страха перед угрозой засилья социальных иждивенцев почти точно перекликается с аналогичными страхами в политическом дискурсе западных стран. Оппоненты идеи социального государства настаивают на неизбежности массового паразитизма по мере расширения программ государственной помощи. Однако данные зарубежных исследований показывают, что большая часть обыденных мифов о «классе живущих на пособия тунеядцев» не имеют фактического основания. Приведенные в этом исследовании авторские данные также подтверждают, что проблема «социального иждивения» чрезвычайно преувеличена. Количество лиц, которых можно было бы отнести к социальным иждивенцам минимально, как минимален и ущерб обществу от их деятельности. Несмотря на это, страх массового иждивения активно используется частью праволиберальных политиков в обоснование реализации курса на секвестр социальных обязательств государства перед обществом и ужесточения порядка оказания помощи бедным. Избавление российского общества от иррационального страха массового социального иждивения позволит ему не стать жертвой политических манипуляций.

Ключевые слова: социальное иждивение, бедность, социальные проблемы, социальное государство, социальные реципиенты.

Для цитирования: Симоянов А.В. Социальные иждивенцы: политический миф и научная реальность // Наука. Культура. Общество. 2022. Том 28, № 1. С. 66–75. DOI: 10.19181/nko.2022.28.1.6

Практика законотворческой и политической работы в части совершенствования механизмов социальной политики в России показывает интересную ситуацию: на фоне массовой поддержки требований расширения социальных прав и более активной реализации мер социальной поддержки граждан, выделяется позиция части скептиков, которые указывают на нежелательность увеличения государственной помощи нуждающимся по причине угрозы роста социального иждивения. Подобная ситуация может показаться парадоксальной, так как опыт социального иждивения скорее соотносится с ведущими странами Европы и Северной Америки с их развитыми институтами социального государства и щедрыми социальными программами. Россию можно назвать социальным государством с большой долей условности, а социальную политику Правительства РФ критикуют скорее за излишнюю скупость, нежели чем за чрезмерную расточительность. Тем не менее, угрозу появления масс тунеядцев на шее у общества и государства, значительная часть сограждан воспринимает как реальную, некоторые даже считают ее свершившимся фактом.

Данный сюжет требует научного осмысления того, насколько угроза социального иждивения реальна в целом и опасна ли она для России сегодня.

Социальные иждивенцы как общественная фобия. Сутью социальной политики является помощь людям: индивидуальная и массово-групповая. Концеп-

ция социальной политики строится на временной или постоянной поддержке тех слоев населения, которые по объективным обстоятельствам не могут позаботиться о себе: старики, дети, инвалиды, больные, безработные, люди, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации. Пессимистичный взгляд на природу человека подсказывает, что если есть возможность получать блага от государства, не прилагая трудовых усилий, то найдется немало людей, стремящихся получать государственную поддержку просто так. Либерально-рыночный подход к доктрине государства подсказывает, что у государства не может быть иных денег, кроме как денег налогоплательщиков, то есть общества, а значит, социальная помощь представляет собой не более чем распределение денег от одних граждан к другим. Простая формальная логика ведет обывателя к мысли, что чем более активную социальную политику ведет государство, тем больше становится армия тех, кто сидит на шее работающей части общества. Таких людей принято уничижительно называть «бездельниками», «дармоедами», «лоботрясами», «паразитами», «нахлебниками», «тунеядцами» или «халявщиками», но в научно-академической лексике принято использовать немного более политкорректный термин «социальные иждивенцы». В зарубежных исследованиях используют термин «welfare dependent» – социально зависимые, делая акцент на несамостоятельность людей, их зависимость от посторонней помощи.

Термин «социальные иждивенцы» в академическом дискурсе имеет множество определений. Т. Сидорина и О. Тимченко формулируют смысл иждивенчества как «желание жить за счет других (людей, общества)» [1, с. 58–74]. В их трактовке социальное иждивенчество обозначено как «одно из последствий проведения политики патернализма в разных странах в условиях разных политических режимов и форм правления» [1, с. 59]. В. Заруба объясняет данный термин как «обеспечение средствами существования неработающего человека по причине болезни, пожилого возраста и тому подобное» [2, с. 325–330]. В. Моисейко и Е. Фролова отмечают, что «социальное иждивение (паразитизм) предполагает использование общего блага в личных целях в ущерб общественным интересам» [3, с. 102–107].

Общим местом подавляющего количества определений является выделение граждан, которые заняты потреблением без трудового участия и которые незаслуженно пользуются плодами чужих усилий.

Социолог А. Очкина отмечает: «Для большинства работ характерны следующие представления взаимосвязи социального иждивенчества и государств:

- Избыточность социальных гарантий, правовая нечеткость, социально-экономическая непродуманность в их предоставлении;
- Патерналистское поведение государства, порождающее соответствующие настояния в обществе;
- Завышенные потребительские ожидания в российском обществе, в сочетании с неуверенностью в экономической стабильности, порождающие повышенное стремление к социальной защищенности» [4, с. 23].

В этом свете, весьма показательно исследование И. Кузнецова, так как оно иллюстрирует типичную картину противоречивого и неоднозначного отношения населения к социальным иждивенцам: «...по-прежнему невысок уровень конкретики и нет определенности в понимании самой сути феномена и четкости критериев, по которой можно определить принадлежность того или иного индивида к категории иждивенцы» [5, с. 48–51]. Результаты исследования выявляют, что большая часть жителей региона находят уровень иждивения высоким (71% опрошенных) и считают необходимым с ним бороться (56% опрошенных).

Между тем как меньшая часть опрошенных, – 23% – относится к социальным иждивенцам негативно. Респонденты одновременно наделяют иждивенцев набором негативных качеств (лень, зависимость, безответственность и пр.), но видит средством решения общее увеличение заработных плат и увеличения рабочих мест. Причинами иждивения респонденты в равной степени видят как личные факторы (пристрастие к алкоголю и наркомании), так и экономические (упадок производства, низкие зарплаты, безработицу) [5, с. 52].

Это исследование во многих отношениях показательно. Оно четко демонстрирует путаницу в головах граждан при попытках осмысления проблемы иждивения: люди пытаются одновременно представить их как жертв внешних обстоятельств, прежде всего невозможности устроиться на хорошо оплачиваемую работу ввиду отсутствия таковой в регионе, но тут же наделяют иждивенцев набором тяжких социальных пороков, таких как наркомания, алкоголизм и тунеядство. Здесь же можно отметить, что именно такая двойственность отношения к бедным создает поле для политической манипуляции.

Теоретические истоки концепции социального паразитизма. Австралийский исследователь политической философии Э. Блунден относит появление и начало широкого распространения дискурса социального иждивения к временам «Нового Курса» Франклина Рузвельта¹. Чрезмерно радикальные для реалий США того времени программы социальной помощи нуждающимся и безработным породили недовольство у консервативного крыла американского общества. Между тем, еще Карл Маркса в своих работах отмечал негативную реакцию части средней и крупной буржуазии на акты социальных улучшений (ограничение детского труда, общее сокращение рабочего дня, оплата больничных и инвалидности) [6, с. 251]. Всякий раз мотивацией неприятия социальных послаблений бедным выступали утверждения, что эти послабления всегда ведут к лени, праздности и безделью среди низших слоев общества.

Д. Бешаров, профессор Школы государственной политики Мэрилендского университета, отмечает многочисленные ошибки администрирования социальной поддержки со стороны государственных ведомств на ранних этапах становления социальных государств Европы, которые приводили к неоправданному увеличению числа получателей социальной поддержки [7, с. 18]. Как правило, речь идет о безлимитных по времени и безусловных по порядку получения пособиях по безработице, внушительные суммы которых стимулировали оставаться на учете служб занятости подольше, или нерациональные схемы получения пособий по инвалидности, которые соблазняли многих граждан ближе к пенсии выбивать инвалидный статус, чтобы получать дополнительный доход. Как правило, государственное управление быстро само ликвидировало данные институционально-правовые лакуны, закрывая т.н. «ловушки бедности» и «ловушки безработицы». Однако подобные факты, становясь достоянием гласности, безусловно, становились фактурой для критики излишне социально-ориентированного курса.

Несмотря на это, бурный рост институтов социального государства, наблюдаемый особенно после Второй Мировой Войны, привел к значительному расширению как объемов социальных фондов в совокупном общественном богатстве, так и количества их получателей в развитых странах мира. В науку и идеологию прочно вошел термин *Welfare state*. До 1980-ых годов голос скептиков массового социального обеспечения на фоне всеобщего роста уровня жизни и благополу-

¹ Andy Blunden April 2004. Welfare Dependency: The need for a historical critique. Published in *Arena Magazine*, Issue #72, September 2004.

чия представлялся маргинальным и оторванным от реальности. Вместе с тем, интеллектуальная работа в части создания критической концепции Welfare state продолжалась даже в условиях, казалось бы, полного ее торжества.

Первым очень осторожно вопрос об опасности перераспределительной политики государства и помощи бедным поставил Ф. Хайек: «Очень важен вопрос, должны ли те, кто находится на общественном иждивении, пользоваться теми же свободами, что и прочие члены общества» [8, с. 130]. Хотя Хайек признавал необходимость базового социального обеспечения граждан, он отмечал угрозу широкого перераспределения общественных доходов в пользу бедных для либерально-рыночных принципов: «Система неограниченной демократии имеет тенденцию превращаться в арену торга привилегиями и перераспределительными программами между организованными группами со специальными интересами и политиками, борющимися за привлечение голосов избирателей» [8, с. 256].

Этой мысли вторит другой идеолог концепции «свободного рынка» М. Фридман: «Предписав единые нормы обеспечения жильем, питанием или одеждой, государство, без сомнения, может повысить уровень жизни множества людей; установив единые нормы в области образования, дорожного строительства или канализации и водоснабжения, центральное правительство, безусловно, способно поднять уровень обслуживания на местах, а то и в среднем по всей стране. Но в ходе этого на смену прогрессу придет стагнация; единообразной посредственностью государство заменит своеобразие, необходимое для того экспериментирования, которое может поставить завтрашних отстающих выше сегодняшних середнячков» [9, с. 28]. Фридман отмечает, что действующие в капиталистических странах слишком широкие социальные программы создают излишнее количество иждивенцев. Эти программы могут быть пересмотрены, что станет благом для большинства.

Некоторую теоретическую законченность проблема социального иждивения приобрела в работах Р. Нозика, в которых всю систему государственной социальной политики он называл «принудительным перераспределением» или «принудительной схемой минимального социального обеспечения в целях помощи беднейшим» [10, с. 221]. Эта мысль была высказана в академической дискуссии с Д. Роулзом, убежденным автором «теории справедливости и сторонником активной помощи бедным [11, с. 19, 28].

Это, а также работы Ч. Мюррея «Погружение в трясину», доклад Д. Мойнихэна «Негритянская семья: за вмешательство государства», создали идеологический каркас концепции, что «одни люди заслужили свой шанс на успех, а другие нет; разграничительная линия проводилась между теми, кто работал, и теми, кто не работал, - как пресловутые “мамаши, живущие на детские пособия”» [12, с. 93]. Д. Стендмен-Джоунз отмечает, что впоследствии эти теоретические компоненты легли в основу неолиберальной идеологии.

С 1980-ых годов данные идеи выплеснулись в публичное пространство с приходом к власти политиков неолиберальной волны, прежде всего Рональда Рейгана в США и Маргарет Тэтчер в Великобритании. С этого момента в практическую плоскость встал вопрос реформирования системы социального обеспечения, внедрения принципов адресности и нуждаемости, сокращения прав на получение государственной материальной помощи. Обоснованием этого стала, в том числе проблема социальных иждивенцев.

Нельзя не отметить, что идея опасности социальных иждивенцев для западного общества в какой-то момент превратилась в своеобразную общественную

истерию. Сочетающий в себе социальный шовинизм и расизм образ чернокожей, безработной, необразованной, наркозависимой, многодетной матери-одиночки, которая в третьем или четвертом поколении сидит на пособиях от государства, которые в свою очередь в виде налогов зарабатывает и платит респектабельный, образованный, трудолюбивый и законопослушный белый мужчина из среднего класса (предприниматель или белый воротничок) стал идеологическим клише на многие годы вперед. Стигматизация бедности стала универсальным оправданием к сокращению социальных трансфертов, а также налогов на бизнес и на богатых. В массовых слоях среднего и рабочего класса наметился раскол по отношению к вопросу социального обеспечения: нужно ли помогать бедным, которые сами виноваты в своих проблемах и не лучше ли разделить потоки социальной помощи – работающим давать одно, а просто бедным другое. Показательно, что в безусловном выигрыше от демонтажа институтов социального государства за счет сокращения налогового бремени и перераспределения бюджетных трат оказался крупный бизнес и богатейшая часть общества [13, с. 567].

Где же эта армия тунеядцев? – практические исследования. Вместе с тем, вопрос масштабов угрозы социального иждивения с научной точки зрения не так однозначен. Большой вклад в опровержение фантомных страхов на тему «плодящего иждивенцев социального государства» внесло исследование британского Центра трудовых и социальных исследований за авторством Х. Уэйнрайта². Ее исследование последовательно развенчало ключевые обывательские опасения, которые со времен Маргарет Тэтчер принимались на веру консервативно настроенным английским избирателем: о том, что в стране сложилась настоящая «культура беспомощности» и бедняки поколениями сидят на социальных пособиях, что бедняки склонны обманывать социальные службы, вымогая большие выплаты, социальные выплаты чрезмерно завышены, позволяя лентяям вести роскошную жизнь, пренебрегая поиском работы, а вся эта растущая нагрузка тяжелым бременем лежит на плечах английского бюджета и налогоплательщиков. Анализ ситуации показал, что только 0,3% социальных реципиентов «сидят на пособиях более чем в одном поколении», доля мошенничеств с пособиями не превышает 0,7% от общего числа обращений за ними и ущерб от них намного ниже чем от мошенничества с налогами, в которых кроме того замешан крупный бизнес, менее 10% социальных реципиентов получают пособия более одного года, а в среднем – 13 недель, большая часть британцев, получающих пособия, ведут активный поиск работы, большая часть получателей социального обеспечения имеют на него объективные основания, как правило, в силу возраста (53% – пенсионеры), соответственно, государственные расходы Британии на социальное обеспечение остаются стабильными, как и количество британских социальных реципиентов. Все это резко контрастирует с риторикой британской правой политической элиты, призывающей к новому витку отказа от социальных гарантий, демонтажа институтов классического британского Welfare state и обуздания класса «ленивых нахлебников».

Сделанные в Центре трудовых и социальных исследований выводы нашли подтверждение в другом исследовании Фонда Джозефа Раунтри. Ими также ставилась задача объективной оценки явления «культуры безработицы», которое якобы характерно для беднейшей части британского общества. Было уста-

² Wainwright H. Exposing the Myths of Welfare: Class-Red Pepper Mythbuster // The Centre for Labour and Social Studies. April 10, 2013. URL: <http://classonline.org.uk/pubs/item/exposing-the-myths-of-welfare> (дата обращения 06.01.2022).

новлено, что из 20,3 млн британских домохозяйств только 15000 находились в состоянии безработицы более одного поколения. Это менее 1%, что опять же опровергает устойчивый миф британских правых про бесчисленные массы ленивых бедняков, которые поколениями сидят на государственных пособиях. Кстати, расхожого в британской политической повестке образа «безработного в трех поколениях» исследователями не было обнаружено вовсе. И опять же выявлено, что даже семьи с хронической безработицей продолжали искать работу. Ни о какой «культуре зависимости» как массовом явлении говорить не приходится³. Более того, другое исследование Д. Хирша члена Фонда «Резолюция» и директора Центра исследований в области социальной политики при Университете Лафборо показало, что в альтернативе «работать за минимальную зарплату» или «ничего не делать, получая пособия», малообеспеченные британцы, как это ни странно, склоняются к минимальному трудовому доходу⁴. Британская социология показала, что воображаемое гражданами число велфер-иждивенцев в разы выше его реального количества⁵.

Итак, на примере Великобритании можно сказать, что несмотря на сохраняющиеся относительно высокие стандарты социальной помощи, реальное количество иждивенцев, паразитирующих на социальном государстве минимально. Наблюдается ли похожее явление в России?

Ответу на этот вопрос поможет инициативное авторское исследование, проводимое в Московской области в период 2013-2018 гг. Целью исследования было выявление реального количества граждан, которых можно было бы отнести к категории «социальные иждивенцы». Достижению цели способствовала возможность использования методологического инструмента включенного наблюдения в структуру региональной социальной защиты населения – Министерство социального развития Московской области. Доступ к объективной информации позволил вести прикладное наблюдение и анализ предмета исследования. Наблюдение осуществлялось на неформализованной основе со строжайшим исполнением законодательства о государственной гражданской службе, включая ограничения в части служебной информации и защиты персональных данных. Социальные иждивенцы были определены как граждане, не имеющие законных оснований к получению социальной помощи от государства, но настоятельно требующие предоставления им такой помощи. Учитывалась склонность социальных иждивенцев использовать в отношении сотрудников социальных органов методы угроз, давления, шантажа, дезинформации, попыток разжалобить, продавить исключение из правил и пр. Выявить таких граждан социальным службам не представляет особых затруднений, так как они склонны регулярно вести переписку с госорганами, систематически посещать личные приемы.

За 5 лет выявления лиц, относящихся к категории «социальные иждивенцы» было найдено не более 30 заявителей, которые более или менее попадали бы под поставленные характеристики. Это при том, что на учете подмосковных органов социальной защиты состоит более 2 млн человек. В 2016 г. был дополнительно произведен расчет социальной помощи, которые лица, отнесенные исследованием к

³ Shildrick T., Macdonald R., Furlong A., Roden J. and Crow R. (2012) Are 'cultures of worklessness' passed down the generations? London: The Joseph Rowntree Foundation. URL: <https://u.to/PRURHA> (дата обращения 06.01.2022).

⁴ Hirsch D. The perils of welfare dependency – but not the kind you're thinking of // Resolution Foundation. 05.07.2011. URL: <https://u.to/aRURHA> (дата обращения 06.01.2022).

⁵ Benefits in Britain: separating the facts from the fiction // The Guardian. 06.04.2013. URL: <https://u.to/jhURHA> (дата обращения 06.01.2022).

категории «социальных иждивенцев», получают от государства. При действующем на тот момент в регионе среднем прожиточном минимуме в 11 280 рублей, ежемесячный доход социальных иждивенцев, если сложить все получаемые в течение года меры социальной поддержки от региональных и местных властей (федеральные пособия, единовременная материальная помощь, субсидии на ЖКУ, благотворительное продуктовое обеспечение), депутатов Московской областной Думы (за счет средств специальных депутатских фондов) получался около 12 500 рублей. Такая сумма, безусловно, не позволяла социальным иждивенцам в материальном отношении выйти хотя бы из состояния нищеты и крайней нуждаемости.

Показательная ситуация была выявлена автором в 2019 г. в ходе домашних обследований малообеспеченных категорий граждан в городе Москве. Исследование проводилось включенным наблюдением в московской городской системе социальной защиты населения. Два малообеспеченных домохозяйства, проживающие на одной жилой площади, продемонстрировали абсолютно разные стратегии поведения. Одно домохозяйство уже являлось реципиентом социального обеспечения (работающая мать-одиночка и 2 ребенка), другое домохозяйство помощи соцслужб категорически избегало (бездетная, безработная женщина, ведущая асоциальный образ жизни). Обе модели отношений можно назвать типовыми, они регулярно встречаются в социальной работе. Для бедной, но не маргинальной части общества социальная поддержка остро необходима, они за ней обращаются. Люмпенизированные группы граждан, как правило, избегают государственных органов, находя средства к существованию во фригидности и асоциальных формах заработка (попрошайничество, неформальные подработки, мелкий криминал), на них расходуются незначительная часть общих социальных фондов. Это показывает безосновательность обывательского образа бомжей и алкоголиков, которые живут государственной благотворительностью.

Таким образом, угрожающая здоровой части общества армия тунеядцев, мечтающих есть на пособия и ничего не делать, на поверку оказывается карликовой группой граждан, чье поведение, возможно, достойно морального осуждения, однако, явно не представляет первостепенной угрозы общему благополучию. К тому же, что социальные органы и службы обладают компетенцией к выявлению данных лиц и минимизации вреда от их деятельности.

Обывательские страхи и политическая манипуляция. Страх растущего социального иждивения основан на примитивной обывательской вере, которая в свою очередь зиждется на простом незнании фактов. Иждивение, по крайней мере, в бытовой форме, встречается многими, например, в виде взрослых детей, живущих за счет родителей. Это проецируется на все общество. Маргинальное поведение в стереотипах становится доминантным паттерном, эти настроения зачастую подхватываются частью политиков и СМИ, раздувается до масштабов всеобщей истерии.

Фобии населения легко превращаются в должное электоральное поведение, правые призывают средний класс не доверять политикам-социалистам, которые-де, планируют через механизмы перераспределения раздавать деньги успешной и предприимчивой части общества ленивым люмпенам. Курс на сворачивание социальных программ, урезание социальных трат, отказ от социальных гарантий гражданам также легко обосновывается необходимостью «заставить тунеядцев работать».

Проблема в том, что ущерб от такой политики наносится как раз таки наиболее трудящимся слоям общества. Сокращая поддержку детей, стариков и инвалидов, государство перекладывает заботу о них на работающих членов их же семей, снижая общее качество жизни. Если в основе феномена среднего

класса заложен определенный уровень потребления, то при секвестре социальных обязательств, происходит перераспределение семейных бюджетов и большую долю в нем занимают расходы по базовым статьям физиологического выживания нетрудоспособных членов семьи (продукты питания, товары первой необходимости, медицинская помощь, жилье, коммунальные услуги) вместо расходов на дополнительное образование, культурное развитие, досуг, отдых, инвестирование. Парадоксальным образом сочувствие многих представителей среднего класса идеям борьбы с бедными, делает их самих беднее.

При этом нельзя не обратить внимание на второй полюс политики демонтажа социального государства: приватизацию социальных служб, коммерциализацию социального сектора и общее сокращение прогрессивного налогообложения на богатых и крупный корпоративный бизнес.

Включенное наблюдение в региональных системах государственной социальной защиты населения Москвы и Московской области показывает, что теория «социально-иждивенческой угрозы» присутствует и в процессе принятия управленческих решений. Главное ее следствие – это своеобразный ментальный барьер для руководящего слоя на расширение и повышение социального обеспечения. Тезис, что слишком значительное увеличение социальных выплат демотивирует граждан к труду и самостоятельной активности, регулярно звучит в публично-политической и узкопрофессиональной сферах и фактически становится обоснованием отказа от любого увеличения социальных выплат. Попытка же государственных руководителей обойти переоцененную ими проблему иждивения, делая акцент на фрагментацию социальной политики или гипертрофированно уделяя внимание сектору адресной социальной поддержки, приводит к общему снижению эффективности социальной политики. Подобная ситуация анализировалась, а практические рекомендации по ее преодолению предлагались автором в раннем исследовании [14, с. 41–46].

Фиксируемое и в России, и на Западе убеждение части граждан, что социальная политика касается только бедных и что это такая форма благотворительности глубоко ошибочно. Развитие социального государства, безусловно, должно брать на себя функцию минимального материального достатка тех, кто естественным образом не может о себе позаботиться. Однако не менее важна его функция именно социального развития, в части помощи безработным важно не просто платить пособия, важно помочь гражданину найти достойное рабочее место. Социальная политика не может идти в отрыве от двух других направлений: политики создания новых рабочих мест и политики продвижения интересов работников на повышение оплаты труда. Только в комплексе можно говорить об успешной социальной политике и настоящем социальном государстве.

Страх перед социальным иждивением не должен становиться барьером на пути совершенствования социальной политики. Это явление нужно держать под контролем сколь бы малым оно не было, вести отдельную работу с каждым гражданином, который взял в качестве жизненной установки идею «социального иждивения», нужны особые программы реабилитации маргинализированного меньшинства, стимулирующего к поиску работы и борьбе за лучшую жизнь, а не прозябанию на подаяниях. Вместе с тем, особенно для России, актуально расширение сектора универсального социального обеспечения: широкой, достаточной, равной поддержки нуждающихся общественных категорий на уровне не ниже базового материального достатка. Иррациональные страхи и фобии не должны сдерживать социальный прогресс.

Библиографический список

1. Сидорина, Т. Ю., Тимченко, О. В. Социальное иждивенчество – оборотная сторона благоденствия // Отечественные записки. 2012. Т. 50, № 5. С. 58-72.
2. Заруба, В. Ю. Социальное иждивенчество: дестимулирующий эффект социальной политики // Гілея: науковий вісник. 2018. Вып. 132. С. 325-330.
3. Мосейко, В. В., Фролова, Е. А. Социальное государство vs социальное иждивенчество // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2014. № 8 (149). С. 102-107.
4. Очкина, А. В. Социальное государство: иждивенчество и развитие // Аналитический журнал «Левая политика». 2019. № 32.
5. Кузнецов, И. С. Социальный портрет иждивенца глазами населения Тюменской области // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2012. № 4. С. 48-51.
6. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1. Процесс производства капитала. М.: Политиздат, 1983. 416 с.
7. Besharov, D. J. Social Welfare Twin Dilemmas: 'Universalism vs. Targeting' and 'Support vs. Dependency'. Prepared for the Annual Meeting of the International Social Security Association, Jerusalem, Israel. January 25-28, 1998.
8. Хайек, Ф. Дорога к рабству / Пер. с англ. М.: Новое издательство, 2005. 317 с. ISBN 978-5-271-42045-0.
9. Фридман, М. Капитализм и свобода / Пер. с англ. М.: Новое издательство, 2006. 236 с. ISBN 5-98379-054-4.
10. Нозик, Р. Анархия, государство и утопия / Пер. с англ. Б. Пинскера; Под ред. Ю. Кузнецова и А. Куряева. М.: ИРИСЭН, Социум, 2016. 422 с. ISBN 5-91066-007-0.
11. Ролз, Дж. Теория справедливости / [Пер. с англ. В. Целищев, В. Карпович, А. Шевченко]. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995. 534 с. ISBN 5-7615-0365-4.
12. Стедмен-Джоунз, Д. Рождение нелиберальной политики: от Хайека и Фридмана до Рейгана и Тэтчер. М.: Социум; Челябинск: Мысль, 2017. 520 с. ISBN 978-5-906401-71-7.
13. Кагарлицкий, Б. Ю. Политология революции. М.: Изд-во «Алгоритм», 2007. 573 с. ISBN 978-5-9265-0401-6.
14. Симонов, А. В. Социальная защита населения в России: актуальные проблемы и системные противоречия // Представительная власть - XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2017. № 1 (152). С. 41-46.

Дата поступления в редакцию: 09.01.2022.

Принята к печати: 16.02.2022.

Сведения об авторе:

Симонов Алексей Вячеславович, кандидат политических наук, помощник депутата, Московская городская Дума. Москва, Россия.

e-mail: alex28373336@yandex.ru

Author ID РИНЦ: 5345-2819

A. V. Simoyanov¹

¹ Moscow City Duma. Moscow, Russia.

SOCIAL DEPENDENTS: POLITICAL TALE AND SCIENTIFIC REALITY

Annotation. Russian society's fear of the social dependents' hegemony is similar to an analogical fear in the political discourse of Western countries. Opponents of the concept of the social state criticize it for its tendency to multiply the masses of freeloaders. However, evidence from foreign research's show that most

of the common myths about the “class of lazybones living on welfare benefits” haven’t the factual basis. The author’s discovery confirms that the problem of “social dependency” is extremely overestimate. The number of people who could be classified as social dependents is minimal, as is the damage to society from their activities. Despite this fact, right- liberal politicians use the mass dependency fear to justify the implementation of the sequestering the state’s social responsibility policy and to increase hardness the order of support to the poor. If Russian society gets rid of the irrational fear of mass social dependency, it won’t become a victim of such political manipulation.

Keywords: social dependency, poverty, social problems, welfare state, social recipients.

For citation: Simoyanov A.V. (2022) Social dependents: political tale and scientific reality. Science. Culture. Society. Vol. 28. № 1. P. 66–75. DOI: 10.19181/nko.2022.28.1.6

References

1. Sidorina, T. Yu., Timchenko, O. V. (2012) Social dependency – the other side of welfare. *Otechestvoennye zapiski*. Vol. 50. No. 5. Pp. 58-72 (in Russ.).
2. Zaruba, V. Yu. (2018) Social dependency: the disincentive effect of social policy. *Hileya: scientific bulletin*. Issue 132. Pp. 325-330 (in Russ.).
3. Moseyko, V. V., Frolova, E. A. (2014) Welfare state vs social dependence. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. No. 8 (149). Pp. 102-107 (in Russ.).
4. Ochkina, A. V. (2019) The social state: dependency and development. *Analytical journal “Left Politics”*. No. 32 (in Russ.).
5. Kuznetsov, I. S. (2012) A social portrait of a dependent in the eyes of population of Tyumen region. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*. No. 4. Pp. 48-51 (in Russ.).
6. Marx, K. (1983) The Process of Production of Capital. In: *Capital. A Critique of Political Economy*. Vol. 1. Book 1. M. : Politizdat. 416 p. (In Russ.).
7. Besharov, D. J. (1998) *Social Welfare Twin Dilemmas: ‘Universalism vs. Targeting’ and ‘Support vs. Dependency’*. Prepared for the Annual Meeting of the International Social Security Association, Jerusalem, Israel. January 25–28 (in Eng.).
8. Hayek, F. (2005) *The Road to Serfdom*. M. : New Publishing House. 317 p. ISBN 978-5-271-42045-0 (in Russ.).
9. Friedman, M. (2006) *Capitalism and Freedom*. M. : New Publishing House. 236 p. ISBN 5-98379-054-4 (in Russ.).
10. Nozick, R. (2016) *Anarchy, state and utopia*. Ed. by Yu. Kuznetsov and A. Kuryaev. M. : IRISEN, Society Publ. 422 p. ISBN 5-91066-007-0 (in Russ.).
11. Rawls, J. (1995) *A Theory of Justice*. Novosibirsk : NSU Publishing House. 534 p. ISBN 5-7615-0365-4 (in Russ.).
12. Stedman-Jones, D. (2017) *Masters of the Universe: Hayek, Friedman, and the Birth of Neoliberal Politics*. M. : Socium; Chelyabinsk : Mysl’. 520 p. ISBN 978-5-906401-71-7 (in Russ.).
13. Kagarlitsky, B. Y. (2007) *Politologiya revolyutsii [Political Science of the Revolution]*. M. : “Algorithm” Publ. 573 p. ISBN 978-5-9265-0401-6 (in Russ.).
14. Simoyanov, A. V. (2017) Social protection of the population in Russia: actual problems and system contradictions. *Representative power – 21st century: legislation, commentary, problems*. No. 1 (152) Pp. 41-46 (in Russ.).

The article was submitted on January 09, 2022.

Accepted on February 16, 2022.

Information about the author:

Alexey V. Simoyanov, Candidate of Political Science, Deputy Assistant,
Moscow City Duma. Moscow, Russia.
e-mail: alex28373336@yandex.ru